

М. В. Рейли
(Санкт-Петербург)

«ПРЕСТРАШНАЯ, ПРЕГРОЗНАЯ ЛЯГУХА» РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Аннотация: Статья посвящена анализу образа лягушки в трех сказочных сюжетах — 465А, 402 и 480, особенностям его функционирования в каждом из них и мифологическим представлениям, связанным с этим персонажем волшебных сказок.

Ключевые слова: сказка, мифология, текстология.

Abstract: The article is devoted to the analyses of the image of a frog in three fairytale plots — 465A, 402 and 480, specificity of its functions in each of them and its mythological basis.

Keywords: fairytale, mythology, textology.

Лягушка (Жаба) занимает почетное место в мифологическом пантеоне народов мира. На восприятие этого образа сильно повлияли исторически сложившиеся различия в менталитете народов Запада и Востока, особенности их жизненного уклада, традиций, религиозных воззрений и т. д. На Западе в Средние века католическая церковь объявила жабу демоническим существом, спутницей ведьм и адским воплощением тьмы, зла и смерти, а лягушку — дьявольским отродьем, ассоциировавшимся с нечистым духом и ересью¹.

В то же время в странах Азии, доколумбовой Америки и некоторых регионах Африки жабы и лягушки являлись символами

---

¹ Ср. также: в комедии Аристофана «Лягушки» все участники хора были одеты в костюмы лягушек, а свои песни заканчивали характерным кваканьем. Но у древнегреческого комика эти лягушки *не простые*. Они обитают и квакают в *Ахероне* — *адской реке*, через которую лодочник Харон перевозит покойников на тот свет.

дождя и плодородия, а в некоторых мифах аборигенов Австралии громадная лягушка Дак считалась виновницей Всемирного потопа: она проглотила всю воду; жаждущие животные безуспешно пытались рассмешить ее, но «только когда угорь (или змей) стал кататься и извиваться, Дак разразилась смехом, вода хлынула и произвела потоп»². Иногда с лягушкой связываются водные элементы хаоса, первоначального ила (или грязи), из которых возник мир. В ведическом мифе Великая Лягушка олицетворяла первозданное состояние материи и в этом качестве поддерживала Землю в космическом пространстве³.

В древнем Китае лягушек называли «небесными цыплятами», которые, по поверью, падают вместе с росой с неба, что в ряде случаев рассматривалось как изгнание на землю, в воду, в нижний мир превращенных детей (или жены) громовержца⁴. Как в Китае, так и в Японии они до сих пор символизируют богатство и удачу, а у японцев — странствия и путешествия.

Россия, находящаяся между Западом и Востоком, попеременно испытывала на себе влияние обеих сторон. Отразилось это и на отношении к лягушкам. В народной культуре лягушка и жаба считались нечистыми животными и входили в разряд гадов, имеющих, согласно древним представлениям, хтоническую природу. Лягушке приписывалась связь с колдовством, оборотничеством и вредоносной магией. В лягушку могли обращаться домовая, водяной, банник, ведьма и т.п. В Ярославской губ. зафиксировано поверье, что проклятая родителями или некрещеная девушка превращается в лягушку коровницу, которая по ночам выходит из воды выдаивать коров (Ярославская губ., СРНГ 17: 258)⁵. Ведьмы и колдуны могли наслать порчу с помощью лягушки, к примеру «натерли лягушачьим жиром дверь человека, которого хотели ослепить»⁶ и т.д.

С другой стороны, нередко считалось, что в каждом доме есть своя «хозяйка» в обличье лягушки, живущая под порогом дома или под печью, оберегающая, по поверью, дом от несчастий. В юго-за-

² *Van Gennepe A. Mythes et legends d'Australie. P., 1906. P. 84, 85.* Цит. по: *Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / Отв. ред. В. Я. Петрухин. М., 1999. С. 159.*

³ *Топоров В. Н. Лягушка // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2. С. 84.*

⁴ Там же.

⁵ *Гура А. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 386.*

⁶ Там же. С. 389.

падных областях России соблюдался запрет убивать «домашних» лягушек (т. е. тех, которые живут в подполье, под печкой, на дворе и т.д.), «иначе счастье уйдет из дома»⁷. Кроме того, это грозило чрезмерно обильными дождями.

Образ лягушки был амбивалентен и, наряду с положительными, нес и отрицательные характеристики. В различных мифологических системах функции лягушки — светлые, созидательные (связь с плодородием, производительной силой, возрождением), и темные (связь с хтоническим миром, болезнью, смертью), определяются, прежде всего, ее связью с водной стихией, как небесной (дождем), так и с земными (подземными) водами.

Этот образ нашел отражение и в русских волшебных сказках — в сюжетах СУС⁸ 402 Царевна-лягушка, 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда») и отчасти в 480 Мачеха и падчерица.

В сюжете 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда») присутствует образ волшебного помощника, который в этом качестве практически не встречается ни в одном из других сюжетов. Это образ гигантской лягушки.

В СУС содержится следующее описание сюжета: «Царский стрелок (панский егерь, бедный мужик) женится на чудесной красавице и искуснице; царь (барин) хочет овладеть ею и посылает мужа выполнить трудные поручения; жена стрелку помогает; намерение царя не сбывается»⁹.

Основными помощниками героя в рассматриваемом сюжете оказываются его жена (дева-птица, принадлежащая небесному пространству «инога мира») и ее родня по женской линии. Выполняя царское поручение, герой в процессе путешествия приобщается к роду жены, постепенно становясь его неотъемлемой частью в результате выдержанного испытания и приобретения собственного духа-помощника. Именно на этом заключительном этапе (в преддверии обретения духа-помощника) появляется характерный для данного сюжета колоритный, имеющий, как мы убедились, очень древнюю основу, образ лягушки, которая знает дорогу «туда, не знаю куда», где живет «то, не знаю что» и доставляет туда героя. При этом роль лягушки в разных текстах на данный сюжет не вполне одинакова.

Этим помощником героя наделяют жена, теща, свояченица либо тетка жены.

⁷ Там же. С. 384.

⁸ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский и др. Л., 1979 (далее — СУС).

⁹ СУС. С. 137.

Лишь в одном тексте лягушка указывает герою дорогу к волшебным предметам: жена наказывает мужу не отталкивать того, кто попадетя ему навстречу, а взять в руки. В дороге перед ним трижды оказывается лягуха, которая «скачет хпреди ё́го», указывает ему путь и заскакивает в колодец, как только он хочет напиться. Он отталкивает ее дважды, называя «подземельной гадиной». Потом вспоминает о завете жены «эту лягуху йимать». «Она при-скакала в кузницу да и туды убралась, ухоронилась, не видел кúды. Указывает ему: “Смотри на поўку, што стоит, за тым ты и пришоў”. <...> Там стоят гусли-самогуды, руб-саморез и кот-самоед. И ён взяў их в котомку, клаў и пошоў домой» (Олон., Онч.: 215¹⁰).

Во всех остальных версиях чудесная лягушка появляется на заключительном этапе путешествия героя, по призыву одной из старших родственниц его жены, указывая путь и помогая обрести «то, не знаю что». Она — связующее звено между вещими старухами, т.е. родом жены героя, и неведомым существом — духом из иного мира. И это не случайно. Широко были распространены представления о связи лягушки с женским началом, сюжеты о происхождении лягушек от превращенных в них женщин. В Сербии и Полесье зафиксировано поверье, «согласно которому убийство человеком жабы предвещало смерть матери». Подобное поверье отражает представление о связи образа жабы с материнским родом¹¹.

Чудесная лягушка может находиться непосредственно во владении лесной старухи, которая знает, что «надо иттить туда,

¹⁰ Здесь и далее после двоеточия указан номер текста в сборнике. Если номера у текстов отсутствуют, указываются страницы.

¹¹ Лягушка, как и Жаба, — лунный и женский знак, символ рождения, плодovitости, перевоплощения и воскрешения. Древнеегипетская богиня плодородия Хекет, сотворившая людей и помогающая при родах, изображалась либо в облике лягушки, либо в виде женщины с лягушкой на голове. Кроме того, она соотносилась с загробным царством, в котором, по-видимому, оказывала помощь умершим. Ее изображения часто помещали на саркофагах (Мифология: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a700.ru/animals/water-animals/34-lyagushka-slavyanskaya-mifologiya.html> (дата обращения: 28.09.2018). Г. С. Маслова пишет: «Антропоморфные существа в позе лягушки <...> были связаны с магией плодородия <...>, представляя позу рожающих женщин». «Примечательно, что эти мотивы отмечены на женской одежде, простыне и полотенцах (игравших большую роль в свадебной и родильной обрядности)» (Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 160). См. также: Гуря А. Символика животных... С. 381, 382.

не знаю куда, через море». Она дает бутылку с лягушкой, которую надо выбросить в море, чтобы она его перевезла. У моря «он эту лягушку из бутылки “выворотил”. Она говорит: “Садися на меня!” — “Ой! Бабушка-ляга, я ж тебя раздавлю!” — “Я тебе говорю: садися!” Ну, он ногú переставил, она почала ду-у-утца, ду-у-утца, ду-у-утца. Такая вздуласи, что у ево с лягушки ноги стали зямли не доставать»¹². По соломинке, которую «бабушка дала», лягушка переплывает море и отправляет его в избушку, где он все узнаёт (Новг., Власова, с. 320–326).

В некоторых случаях лягушка находится не во владении, но в услужении у Бабы-Яги, как и прочие звери, птицы и гады: «Старуха вышла на двор, крикнула громким голосом, молодецким по-свистом — сползлись к ней гады всякого звания: и змеи шипучие и лягушки скакучие <...> Ни один гад не ведает, куда и зачем послал король доброго молодца. Вот старуха взяла именной список и стала переключку делать — все ли на месте? Все гады на месте, только одной лягушки нет; сейчас послали гонцов ее разыскивать. Не прошло и часу, как тащат лягушку о трех ногах. “Где ты, шельма, пропадала?” — “Виновата, государыня! Я изо всех сил торопилась, да со мной на дороге несчастье приключилось: ехал мужик на телеге, наехал на меня колесом и отдалвил ногу; насилу могла добраться до вашей милости”. — “Ведомо ль тебе, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?” — “Пожалуй, показать дорогу можно, только у, как далеко туда! Мне туда ни за что не допрыгать”. Стрелец взял лягушку, завязал в платок и понес в руке;

---

¹² Ср. этот мотив, а также хтоническую природу лягушки или жабы, их связь с миром предков, подземными богатствами и один из вариантов китайской легенды. Лю Хай-чжань (в даосской мифологии — бог монет, входящий в свиту бога богатства), был дровосеком. Однажды он встретил плачущую деву, семья которой погибла, и взял ее в жены. В горах его окликнул Камень, сообщивший, что его жена — лиса-оборотень, и посоветовал дровосеку ночью, когда жена достанет изо рта красный шарик — волшебный талисман — и положит его ему в рот, не возвращать ей его, а проглотить. Лиса без талисмана умрет. Лю Хай хотел так и сделать. Однако лиса пояснила Лю Хаю, что Камень задумал убить его и завладеть шариком, чтобы подняться на небеса. Она посоветовала дровосеку разрубить Камень, вытащить из него веревку, на конце которой будет жаба, а затем *встать или сесть на жабу. Жаба и вознесет* самого дровосека в небеса. А веревку он должен был оставить матери, которая, когда надо, потрясёт её, и посыплется золотые монеты (Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1992. С. 329).

сам идет, она путь указывает...» (Аф.: 212¹³ — примеч.: с. 464); теща героя — «страшная старуха» — созывает всех гадин и спрашивает их, не знают ли они, куда идти. «Все сказали, что не знают, только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползет. Старуха на нее и закричала: “Поли скорей, старая!” Приползла лягушка и говорит: “Дайте мне отдохнуть, так я скажу”. Старуха и говорит лягушке: “Ты возьми мово зятя и доведи туда, не знай куда”. А лягушка чуть-чуть ползет». Солдат несет ее на руках. «И привела она его к большому болоту, оборотила солдата соломинкой, взяла ее в рот и нырнула в болото. И видит солдат в болоте замо́к <...> Лягушка его туда проводила и сказала, чтобы он спрятался и слушал, кто что будет говорить...» (Симб., Сад.: 9). Как видим, лягушка способна не только менять обличье, но и обращаться к другим.

Лягушка может сама вызваться оказать помощь герою и «принструировать» его: теща выкликает двух птиц, на которых они с героем летят на поиски «не зверя, не калеки, не похожего на человека». Сзывают зверей, рыб, птиц — никто не знает. «Полетели через болото, а лягушка-квакушка говорит: “Я знаю. Возьмите меня домой, положите в молоко¹⁴, и куда я носом буду глядеть, туда и

¹³ В текстах, где отсутствует географическая приуроченность, место записи не указывается.

¹⁴ Молоко традиционно считается пищей богов, эликсиром жизни, символом возрождения и бессмертия. В индийской традиции, в ведическом мифе о сотворении мира, боги и асуры пахали молочный океан, чтобы создать солнце и луну, чудесные предметы и, в конце концов, эликсир бессмертия — амриту или сому. При ведийском жертвоприношении молоко, смешиваемое с сомой, понималось как символ потока жизни (Новый Акрополь: Философская школа [Эл. ресурс]. URL: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/milk/> (дата обращения: 28.09.2018). Изобилие библейской «земли обетованной» символизируется тем, что там «течет молоко и мед» (Исх. 3: 8, 17; Лев. 20:24 и др.; ср. «молочные реки» и «кисельные берега» русских волшебных сказок). Кроме того, у славян молоко «обнаруживает связь с небом и атмосферными явлениями — дождем и молнией (громом)» (См.: *Толстая С. М.* Молоко // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 284*). А. Гура подчеркивает, что «к наиболее характерным особенностям следует отнести молочную тему, в разнообразных видах возникающую в народных представлениях о лягушке. Это и выдаивание лягушкой (или ведьмой-лягушкой) молока у коров, и отбирание молока с помощью лягушки как вид порчи, и пропажа у коровы молока как следствие нарушения запрета убивать лягушку, и, наоборот, благотворное влияние лягушки на удои молока. Это также использование

путь пусть держит”. Так и сделали. Шел он, шел. Вдруг лягушка и спрашивает: “Что видишь над собой, под собой и вокруг себя?” — “Надо мной небеса, подо мной — мать сыра земля, а вокруг — белый свет, впереди огонь горит”. Это стоит золотая стена, от востока до запада, от земли до неба¹⁵. Она молоко выпила и стала большая». Садится он на нее, «а она как пригнула и стену перескочила» и отправляет его дальше «самому добывать» (Олон., Крн.: 53; ср.: Симб., Сад.: 9).

Молоко здесь и далее тоже появляется не случайно. Молоко символизирует семейные кровные узы и является символом материнства, т.е. вновь возвращает нас к родовым связям. Кроме того, в русских сказках, былинах, Змей (змеи)¹⁶ либо Баба-Яга сосут груди у красавиц, забирая у них жизненную силу.

Яга сама может проявить особую заботу о лягушке, помещая ее в молоко: теща собирает всех птиц, зверей, но никто не знает «такого чуда», кроме лягушки-квакушки. Она «эту лягушку берет, наливает молока в банку и дает своему зятю и говорит, что когда он придет к огненной реке, то на той стороне будет большая скала, в которой будет находиться искомое “чудовище”. Тогда надо вынуть лягушку из банки, и она перенесет его через огненную реку к той скале. <...> Потом лягушка перенесет обратно через огненную реку» (Лен., Бахтин: 26).

В ряде случаев речь идет либо об очень старой, либо о колченогой (хромой, «о трех ногах») лягушке, где хромота — маркер иного мира, как и древний возраст: «Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила (ср.: Симб., Сад.: 9), и говорит: “Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти”. — “Ну, милая, тебя-то мне и надобно!” — сказала старуха». Лягушка рассказывает: “Это место на краю света — далеко-далеко!

молока для извлечения лягушки из внутренностей человека, и лечение лихорадки молочным отваром из нее, и прогноз относительно удоев молока при первом весеннем крике лягушек, и рвота молоком в наказание за нарушение запрета убивать лягушку» (*Гура А. Символика животных... С. 391*).

¹⁵ Напоминает стену вокруг царства Царь-девицы, где хранятся живая / мертвая вода и молодильные яблоки.

¹⁶ В быличках таким образом обычно развивается тема воздаяния за грехи: и жабы, и змеи — воплощения погубленных девушкой нерожденных младенцев. Кроме того, в народных верованиях славян лягушка (жаба) — животное, родственное или тождественное змее. В Польше встречается поверье, что лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея (см.: *Гура А. Символика животных... С. 380*).

Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать”. Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю: “Неси, говорит, эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает”. <...> Приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. “Ква-ква! — говорит лягушка. — Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться”. Стрелец вынул ее из банки и пустил наземь. “Ну, добрый молодец, садись на меня, да не жалея; небось не задавишь!” Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась, дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. <...> Лягушка надулась да как прыгнет — перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. “Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду...”» (Аф.: 212; ср.: Аф.: 212 — примеч.: с. 464).

Лягушка может не только иметь собственный, самостоятельный статус, но и диктовать свои условия вещам старухам, что говорит о ее превосходстве. Так, Яга говорит: «...»Скокушка-баушка живёт в болоти триста лет, она, наверно, знает, полечу-ко я к ней”. Прилетает на двух голиках к Скокушки-баушки в болото и спрашивает: “Знаеш, Скокушка-баушка, где «то, не знай што?»” — “Знаю”... — “Так скажи”». И тут Скокушка показывает свой норов: «Нет, не скажу. Тогда я скажу, когда ты меня проводишь до огненной реки в парёном молоки, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу». Тогда Яга берет Скокушку и приносит к себе. «Берет кувшин молока и начала парить. Вот когда она напарила, садила эту баушку-Скокушку, лягушку то есть, и приносит к своёму зятю». У огненной реки он из кувшина «стал за нитоцьку вытягивать эту скокушку». Когда он вытянул ее, «она ему говорит: “Садись, Ондрей, на меня, пока не поздно” <...> — “Што ты, баушка, эка маленька, я тебя раздавлю”. — “Ну, садись” <...> — “Ну, ланно, седу”. Сел, и эта лягушка стала подниматьце кверху, кверху, стала выше лесу и всё ёго *утивала в себя*, только видна одна голова». Говорит: “Ну, дёржись крепче”. Перепрыгивает через огненную реку, выпускает его, он ее спрашивает: “Да где же, баушка, есь «то, не знай што?»” — “То-то, если б не спросил, так и не узнал. Топерь я тебе скажу <...>: «Иди по этой дорожке <...> Увидиш дом-не дом, сарай-не сарай, помещеньё-не помещеньё. Заходи в него, дом совершенно пустой, разваливши: только одна печь. Зайдёш в этот дом и становись за печь. Зайдут два молодця и скажут: «Сват-Наум, попить-поись». Заиграёт музыка разная, накроютце скатерти браные, напивки, наливки, вина заморские. Вот и ты до тих пор стой, пока оны уйдут, и комната будёт совершенно пустая. Тогда выходи

и говори: «Сват-Наум, попить-поись». И тебе то же самое будет. Когда будёшь пить и есть, то угости свата-Наума рюмоцькой. Тогда он от тебя никуда. Это будет: «то, не знай хто»» (Олон., Крг.: 2).

В этом тексте древняя Скокушка-баушка требует напарить ее в молоке (Ср. сюжет Конёк-горбунок, где герой купается в котле с кипяченым молоком, а потом — в котле с ключевой водой, выходя оттуда моложе и красивее); трансформируется, становясь выше лесу и *утивая* героя *в себя*; перепрыгивает через огненную реку; подробно наставляет героя, как добыть свата-Наума («то, не знай хто»), но при условии, что он сам спросил об этом, а то бы так и не узнал.

Перекликается с этим текстом и другой, в котором огромная лягушка ведет автономное существование. Свояченица героя говорит ему: «"Ступай вперед. Придет остров с левой руки, остров — с правой, а в середине будет мыс. На этот мыс иди и ожидай, — хоть сутки, хоть двое, хоть трое. Увидашь — пловет с моря престрашная, прегрозная лягуха. Приплывёт она к берегу, выкинет лапы на берег, отворит рот, выпустит из рота желтую пену. Ступай к ней в рот — будёшь сцяслив". <...> На третьи [сутки] море сколубалось: с берега на берег валы сбросает: пловет лягуха. Когда она открыла рот, солдат вошел в него. Смотрит — там двери. Захватил за скобу, отпер двери — бежит его тесть — морской царь» (Олон., КС: 9).

Передача силы с помощью телесных выделений встречается и в мифологических рассказах. Например, один пчеловод спрашивает у другого: «Скажи ты мне, почему у тебя пчелы, а у меня нет пчел». <...> Пчеляк и говорит: «Изволь, я тебе скажу». (А известное дело, если у кого пчел такая пропасть, так это неспроста). Вот привел его к себе на пчельник в избенку; взял, положил меду полную тарелку и сунул ее в подпечек. И выползла оттуда огромная лягушка, съела весь мед дочиста и опять все назад отрыгнула. Пчеловод и говорит: «Съешь этот мед!» Мужик испугался и говорит: «Нет, я не буду есть!»». (Симб., Сад.: 74в).

Сходные мотивы встречаются в этнографических материалах, связанных с обрядами инициации. В. Я. Пропп, в частности, пишет, что в мифе о проглоченных и извергнутых змеем (рыбой) людей выход из чрева «представлялся вторым рождением, собственно рождением героя»¹⁷. Говоря о сходстве форм посвящения и представлений о царстве смерти, В. Я. Пропп отмечает также: «вход в царство идет через пасть животных», что «пасть — это ворота»¹⁸.

¹⁷ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / Отв. ред. В. И. Еремина, Н. М. Герасимова. Л., 1986. С. 275.

¹⁸ Там же. С. 288–289. См. также: *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999. С. 92–96.

Момент препровождения героя в обиталище невидимого духа, а особенно эпизод, в котором герой должен войти в рот гигантской лягушки (Олон., КС: 9), или она «упивает» его в себя (Олон., Крг.: 2), напоминает мифологические рассказы об обретении колдунской силы и знаний посредством влезания в пасть огромной лягушки. В одном из сюжетов повествуется о женщине, перенимающей силу от заболевшей колдуньи: после того как обнаженная женщина трижды пролезла сквозь нутро лягушки, колдунья задала вопрос: «Все ли ты видела, все ли теперь знаешь?» — Та сразу же все поняла и стала с тех пор колдовать»¹⁹.

Итак, гигантская лягушка приводит героя к духу-невидимке, о котором она все знает, и который становится собственным, личным помощником героя: провожает его в замок и говорит, чтобы он «спрятался и слушал, кто что будет говорить...». Тот прячется «за печку». На вопрос солдата, кто он, Афонюшка отвечает, что он — «слуга-невидимка». Они «подружились, чтобы уйти им вместе из болота. Афонюшка оборотился гусем (т. е. водоплавающей птицей, как в ряде случаев и жена героя. — М. Р.), а солдат — сухой травой. Гусь взял ее в рот и вышел из болота, и пришли они к морю...» (Симб., Сад.: 9); лягушка учит героя, когда он достигнет скалы, где живет «то, не знаю что» и войдет туда: встать в «платяной большой шкаф» и стоять, не шевелясь, чтоб никто не видел и не слышал. Когда придет хозяин этой скалы, надо запомнить, какие слова он говорит, а после его ухода сесть за стол и повторить его слова (Лен., Бахтин: 26)]; лягушка герою

¹⁹ Русская мифология: Энциклопедия / Сост. Е. Л. Мадлевская. М., 2007. С. 144; ср.: Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995. С. 70; Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. II. Петрозаводск, 2000. С. 35. Вот еще несколько примеров: «[Колец (прозвище колдуна. — М. Р.)] хотел передать колдовство моему папе. Говорит: “Вот зайдешь в баню, там будет как наподобие жабы сидеть. Нужно в эту жабу зайти”. <...> “Нужно, — говорит, — зайдешь и выйдешь. И, — говорит, — все колдовство переймешь”. Ну, папа боялся. Не согласился...» (Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997. № 119. С. 114). Другой случай посвящения в колдуньи: «...[Хозяин-колдун говорит:] “Ну что ты, раз охотишься, я тебя научу, как в лесу ходить, да как что”. И привел его в баню. <...> А мама все говорила, он страшно боялся лягушек, дядя. Он в лесу ходил, но если лягушка, он обойдет кругом, уж не перешагнет и не пойдет <...> А тут этот хозяин что-то сделал и значит, полная баня воды и лягухи! И вот, говорит, такие прыгают лягушки огромные, а потом из каменки выскочила такая большая...» (Там же. № 121. С. 114–115).

дорогу показывает к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна... «Теперь, добрый молодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду; войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячешься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!» (Аф.: 212). В результате герой добывает невидимку Шмат-разума (Аф.: 212 — примеч.: с. 465; к имени «Шмат-разум» — вариант: «Ур-за-мурза»; + вариант этой же сказки с именем невидимки — Губрей); Свата-Наума (Новг., Власова, с. 320–326).

Владельцами «того, не знаю что» оказываются свояки героя (два жандарма) (Симб., Сад.: 9); тесть — морской царь: «Ну, — говорит тесть, — ты уж пришел туда, не знай куда, и я тебе дам то, не знай что...»; «Я тебе дам на дорогу Ванюшку. Понадобится што — только скажи: “Ванюшка! На два стола или — на один стол!” Все будет готово...» (Олон., КС: 9); хозяин скалы (Лен., Бахтин: 26); двенадцать добрых молодцев (Аф.: 212 — примеч.: с. 465); два старца (Аф.: 212); два старика (Олон., Крн.: 53); мужичок — «Маленькай, а борода по колено» (Новг., Власова, с. 320–326).

Таким образом, чудесная лягушка в сюжете 465А наделена следующими чертами:

– лягушка — проводник, обладающий знанием, который приводит героя: в кузницу к чудесным предметам (Олон., Онч.: 215); знает дорогу «туда, не знай куда» (Симб., Сад.: 9; Олон., Крг.: 2; Аф.: 212; Новг., Власова, с. 320–326);

– она хромонога, колченога; стара: «только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползет» (Симб., Сад.: 9); лягушка очень стара, «живёт в болоти триста лет» (Олон., Крг.: 2); «старая колченогая лягушка», которая «уж лет тридцать как в отставке живет» (Аф.: 212);

– предпочитает пребывать в молоке: Она «эту лягушку берет, наливает молока в банку и дает своему зятю» (Лен., Бахтин: 26); «Вот когда она напарила, садила эту баушку-Скокушку, лягушку то есть, и приносит к своёму зятю» (Олон., Крг.: 2); лягушка просит положить ее в молоко, откуда будет носом показывать путь (Олон., Крн.: 53); ее сажают в большую банку со свежим молоком; Старуха «за ее верную службу назначает ей по три банки молока в день давать» (Аф.: 212);

– трансформируется из маленькой в большую и обратно: меняет размер с маленькой, помещающейся в руках (Симб., Сад.: 9; Олон., Онч.: 215), в платке (Аф.: 212 — примеч.: с. 464), в бутылке (Новг., Власова, с. 320–326) или в кувшине (Олон., Крг.: 2), до огромной, «выше лесу» при этом «упивая» героя «в себя» (Олон.,

Крг.: 2); она молоко выпила и стала большая (Олон., Крн.: 53); раздувается, словно стог сеной; перепрыгивает через огненную реку и делается опять маленькою (Аф.: 212); лягушка «почала ду-у-утца, ду-у-утца, ду-у-утца. Такая вздуласи, что у ево с лягушки ноги стали зямли не доставать» (Новг., Власова, с. 320–326);

– лягушка обитает в болоте или море; способна переплывать через море, огненную реку и проч. Ср.: приводит его к большому болоту, оборачивает соломинкой, берет ее в рот и ныряет в болото (Симб., Сад.: 9); по соломинке, которую бабушка дала, лягушка переплывает море (Новг., Власова, с. 320–326); перепрыгивает, перевозит героя через огненную реку (Олон., Крг.: 2; Аф., 212; Лен., Бахтин: 26); перескакивает через золотую стену, «от востока до запада, от земли до неба» (Олон., Крн.: 53).

Всезнание лягушки соотносимо с понятиями мудрости и священного знания. Она исполняет роль помощника героя и посредника между двумя мирами, знает даже место, где находится «то, не знаю что», перенося героя из его царства туда, где находится искомая диковинка.

Обретение героем духа-помощника при пересечении «пограничного» пространства (моря, болота, огненной реки) с помощью хтонического существа — огромной лягушки — завершает процесс инициации героя и формирования родственных связей с чудесной семьей жены.²⁰

***

Еще один распространенный сюжет, где особая роль отведена лягушке, — СУС 402 Царевна-лягушка: «Три царевича идут искать себе жен по направлению брошенных предметов или пущенных стрел; младший находит на болоте лягушку, она становится его женой, лучше всех выполняет поручения царя (шьет, ткет, печет, пляшет) и превращается в царевну; муж сжигает ее шкуру; царевна исчезает».

В народной магической практике образ лягушки нередко наделялся любовно-брачной символикой. В сказке «Царевна-лягушка» героиня-невеста принимает обличье чудесной лягушки. Встреча с

²⁰ По словам М. Элиаде, «обряд посвящения показывает нам, что древний менталитет исходил из того, что настоящий человек — человек духовный — не является результатом естественного процесса. Его “делают” старые учителя по образцам, открытым Божественными Существами и сохраненными в мифах» (*Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. С. 324–325*). Отголосок этого обряда (инициации/посвящения), видимо, и присутствует в данном сюжете.

ней является для героя судьбоносной: 1) выбор невесты с помощью стрелы и по повелению отца; 2) стрела Ивана не случайно оказывается в грязном болоте у лягушки-квакушки; как говорит царь, отец Ивана: «Знать судьба твоя такая!»; 3) сжигание сброшенной кожи раньше времени («Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею») — опять же судьбоносное нарушение колдовского условия «обретения свободы», в том числе — и человеческого обличья «иномирной героиней». Героиня проявляет себя в разных ипостасях, в том числе и в облике «пребольшой» лягушки-чародейки: «...а на третий день зашел в превеличайшее болото. <...> Наконец увидел сделанный из тростнику маленький шалашик <...> И как подошел и взглянул в тот шалаш, то и увидел в нем пребольшую лягушку, которая держала его стрелу во рту. <...> лягушка говорила ему: “Ежели ты не взойдешь ко мне в шалаш, то не выйдешь вечно из сего болота”». Иван-богатырь отвечает, что не может войти, так как шалаш очень мал. «Лягушка, не говоря ему ни слова, перекувырнулась, и в то самое время сделалась из шалаша раскрашенная беседка <...>; перекувырнулась, и в ту ж минуту принесли стол со всяким кушаньем и напитками; <...> опять перекувырнулась, и в тот час стол вынесли» (ЛЗ: 26). Ей служат буйные ветры, когда необходимо сшить рубашку или соткать ковер и т.п.: «лягушка схватила ножницы и изрезала все полотно на маленькие лоскуточки, потом отворила окошко, бросила на ветер и сказала: “Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и сшейте свекору рубашку”» (ЛЗ: 26).

Появление царевны-лягушки на пиру подчеркивает ее связь с небесными водами — дождями²¹ и небесным огнем — молнией. Оно сопровождается громом и молнией: посылая мужа одного на бал, она дает напутствие: «... Дождик пойдёт, ты и скажи: “Вот моя жоноцька дождевой водой умываетце”. <...> Потом гром загремит, а ты скажи: “Моя жоноцька в дорогоё одеяньё нацинает одеватьце”. <...> Да, вот как молния блеснёт, и скажи: “Вот моя жоноцька едет”, — и сразу выходи на крыльце меня стрецять» (Олон., Крг.: 7); «Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся...» (Сарат., Аф.: 269).

На пиру царевна-лягушка проявляет себя как демиург: «Вот она ест кусочек в рот, а другой — себе в рукав <...> И как она росмеётце, то золото повеётце, а расплачетце — жемчуг покатитце». Пошли танцевать. «...она возьмёт и махнёт рукавом. Открылось

²¹ В мифологических представлениях многих народов, в том числе и славян, лягушка была связана с магией вызывания дождя и плодородием земли, распространены поверья о том, что убийство лягушки вызовет дождь. См., напр.: *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1998. С. 82–83, 144; *Гура А.* Символика животных... С. 383.

окно, и за окном протекла река Нева, по реке заплывали разные утоськи, селезни, гаги и все запели на разные голоса» (Олон., Крг.: 7); «махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди...» (Сарат., Аф: 269); «лягушка, стала плясать, махнула рукой — явились луга и сады...» (Ряз., Аф.: 268); «Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы...» (Шадринск., Аф.: 267); «Лягушка махнула левой рукой — стало озеро. Махнула правой рукой — поплыли гуси и лебеди» (Лен., Бахтин: 72); «Махнула она левым рукавом — стали пруды да озера. Махнула правым — налетели разные птицы, горные да дорогие» (Олон., Крн., Лев. 2011: 6); «пошла танцевать; и как одним рукавом махнула, то вдруг сделалось на аршин высоты воды в той зале, потом как махнула другим рукавом, то поплыли по воде гуси и лебеди...» (ЛЗ: 26) и т.п. Таким образом, она создает из «праха» (костей и опивок) воды (реки, пруды, озера), леса (луга, сады) и птицы.

Когда герой, не выдержав, сжигает лягушечью шкурку, выясняется, что царевна была обращена лягушкой:

– в результате отцовского проклятия: «Зачем сжег лягушью кожу? Меня проклял отец — за то я три года должна быть лягушкой, а теперь ищи меня за тридевять земель у Кощей бессмертного» (Лен., Бахтин: 72); «Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть»; «Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощей Бессмертного» (Сарат., Аф.: 269);

– в результате желания отца царевны скрыть ее от Кощей: «Отец сдул весь капитал на этот кустом, шток на семь лет закрыть меня от Кощей Бесъмёртного и оставалось ище ждать три дня, тогда бы он забыл меня, а топерь он приметит и возьмёт меня...» (Олон., Крг.: 7).

Наконец, лягушачье обличье и есть одна из ее собственных личин: «Кожуринка закурилась. Лягушка учуяла, схватила ее, осерчала на мужа, Ивана-царевича, и говорит: “Ну, Иван-царевич, ищи ж меня в седьмом царстве. Железные сапоги износи и три железных просвиры сгложи!” Спорхнула и улетела» (Ряз., Аф.: 268).

В большинстве текстов жена героя после сожжения лягушачьей кожи превращается в птицу и улетает, т. е. по своей природе она — дева-птица, как и в предыдущем сюжете: «Обернулась белым лебедем и улетела в окно» (Лен., Бахтин: 72; Сарат., Аф.: 269); «Выбежала Светлана, повернулась голубицей и говорит: “Увы, Иван-царевич, погубил ты меня. Три года подождал бы, а теперь

я навеки порченная». И улетела» (Олон., Крн., Лев. 2011: 6); «Тут обернулась царевна кукушкой и улетела в окно» (Моск., МС: 37); «Спорхнула и улетела» (Ряз., Аф.: 268). Только в одном случае она уходит: «Она и ушла от его. Далекім-далеко» (Олон., Крн., Лев. Дети 2011: 75).

В результате она оказывается в плену:

– у змея: «Твоя красавица у змея в руках. Он сосет ее белые груди»²² (Лена, Шаст.: 26);

– у Кощея: «Зачем сжег лягушачью шкуру? Теперь Василиса у Кощея Бессмертного в плену сидит» (Моск., МС: 37; Саратов., Аф.: 269; Лен., Бахтин: 72); у черного вихря, он же — Кошей Бессмертный: «Только оне вышли на крыльце, как спустился черной вихорь, захватил ей...» (Олон., Крг.: 7);

– у чародея (Олон., Крн., Лев. 2011: 6);

– в гостях у «большой сестры» — лесной старухи (Шадринск., Аф.: 267).

Далее действие развивается по типу сюжета 400₁ Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа). В ходе повествования возникает еще ряд характерных деталей. Вернуть царевну оказывается не просто:

– ее возвращение напоминает сюжет 302₁ Смерть Кащея в яйце: «Баба-яга отвечала: “...увидишь — стоит выше всех дуб. В дубу стоит сундук. В сундуке сидит заяц. В зайце утка, в утке яйцо, в яйце иголка. <...> У иголки отлочишь конец — явится твоя царевна-лягушка”» (Лен., Бахтин: 72);

– она возвращается в результате магического действия: «Тогда Баба-Яга говорила: “Жаль мне тебя, Иван-богатырь. Изволь, я тебе услужу и покажу тебе твою супругу, ибо она ко мне прилетает каждый день для отдыха. <...> в то время старайся ее поймать за голову, и как поймаешь, то она начнет превращаться лягушкой, жабой и змеей и прочими гадами, то ты все не опускай, а напоследок превратится она в стрелу, то ты возьми ту стрелу и переломи ее на колено, тогда уже она будет вечно твоя”» (в другом случае — в ужа) (ЛЗ: 26)²³; «...Иван-царевич дошел до этой старухи, зашел в избу, та вьет золото, свила его. Веретешко²⁴ и положила в ящик,

²² См. об этом мотиве выше.

²³ См. выше об отождествлении лягушки — жабы — змеи.

²⁴ Веретено в семейных обрядах — в основном оберег и женский символ. Иногда веретено в народных представлениях уподоблялось змее, как и лягушка (среди многочисленных имен царицы змей — Ляга Лягица) (Демич В. Ф. О змее в русской народной медицине // Живая старина. 1912. Вып. 1. С. 39–60. Цит. по: Черепанова О. А. Мифологическая лек-

заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писанному, кончик бросил за себя, а корешок перед собой. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна...» (Шадринск., Аф.: 267; ср. подобный же мотив: Мурм., Балашов: 22);

– «крылатая лягушка» сродни одновременно Бабе-Яге (людоедская и богатырская природа, железный пихтель²⁵, которым она стучит и пр.²⁶) и Царь-девице (ср., напр.: Арх., Смр.: 130), обладает теми же атрибутами и ее возвращение требует тех же магических манипуляций: «Иван-царевич говорит: “Ищу лягушку, жену свою”. Старушка говорит: “Ой, Иван-царевич, она тебя хочет известь; я ее мать. Поди же ты, Иван-царевич, за море; там лежит камень, в этом камне сидит утка, в этой утке яичко; возьми это яичко²⁷ и принеси ко мне”. <...> Отдал ей яичко. Она замесила и испекла из него пышечку; а Ивана-царевича посадила в коник и приказала: “Вот скоро твоя лягушка прилетит, а ты молчи и вставай, когда я велю”. Вот он сел в коник. Прилетела лягушка, железным пихтелем стучит и говорит: “Фу! Русским духом пахнет; каб Иван-царевич попался, я б его разорвала!” Мать-старушка говорит ей: “Ну, это ты по Руси летала, русского духу нахваталась. На вот, закуси этой пышечки”. Она съела эту пышечку <...> и говорит: “Где мой Иван-царевич? Я по нем соскучилась...”». Мать выводит Ивана-царевича. «Лягушка подхватила его под крылышко и улетела с ним в седьмое царство жить» (Тамб., Аф.: 268).

Особое место занимает сказка из пермского сборника «Лягушка и Ипат». Яга сватает героя за лягушку, ведет его в подземное царство, где пируют лягушки: «...поехал по болоту; а воды было глубоко: где в сажень, где помельче. <...> Видит: тут малинька избушка, с дверью

сика русского Севера. Л., 1983. С. 106). В полесском поверье веретена, оставленные на праздник в хате, «пойдут в лес змеями», и т.п. См.: Павлова Р. П., Толстой Н. И. Веретено // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 2001. Т. 1. С. 342.

²⁵ Пехтель, пихтель, пихтиль — пест для толчения в ступе // СРНГ. Вып. 26. Л., 1991. С. 341.

²⁶ См.: баба-ляга (Костр.) = баба-яга (Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. С. 106).

²⁷ Яичница — поминальная еда, используемая в семейной и календарной обрядности, связанной с кульгом предков. В сказке отнятая тоска (=память) заключена в яйцо (см.: Мурм., Балашов: 57). Чтобы вернуть память, надо съесть «пышечку», замешанную на яйце (Тамб., Аф.: 268) (или яичницу (Олон., Раз.: 12). Таким образом, речь идет о памяти другого мира, другой жизни.

землянушка...», в ней яга, которая посылает его к своей «подружке»: «Вот твоя невеста: айда по этому болоту <...> Там небольшая есь избушка, тут живет моя подружка — ну, не хуже меня старушка. Берегись ее: она тебя съест, а то — невесту тебе даст». Ипат просит: «Расскажи-ко мне невесту!» Поглядели друг на дружку. Она показала на лягушку: «А вот твоя и невеста». — «Как же я с ней буду жить?» — «Она хороша бароня будет». — «Ну, так пойдем сватать!» Яга пошла с Ипатом сватать, повела дальше в камыш. <...> Подходят к камышу. Отворяют дверь в землю. «Спускайся ты за мной!» Ипат заходит в калидор, а у лягуш большой там 'здор. «Што, старуха, говорят?» — «А женить хочут тебя... Подём-ко дальше, в зало». Заходят дальше в зало и — убраны столы белым полотном, наставлено на столах всякова бисерту, булочки на блюдах польгаршина вышины» (Перм., Зел.: 28).

Яга оказывается удачливой свахой для Ипата. Здесь лягушка однозначно предстает как существо хтоническое, живущее под землей в богато убранном зале.

Итак, образ лягушки в сюжете 402 связан, в частности, с процессом обретения знания. В этой сказке царевна обращается в лягушку, но ее зооморфный облик — явление временное, а не постоянный признак.

В разных вариантах сказки оборотничество героини объясняется тем, что ее прокляли, либо заколдовали, хотя она и сама способна обращаться, но не в лягушку, а в птицу (а если в лягушку, — то в крылатую), что еще раз говорит о взаимопроницаемости и взаимодействии небесного и хтонического пространств. Она окончательно приобретает человежье обличье, став женой Ивана-царевича, но побывав предварительно в шкуре животного, т.е. пройдя «социовозрастную инициацию», изменив статус. Пребывая в чужом облике, героиня обретает определенные магические знания, которые реализуются в ее «чудесных умениях» — шить, ткать, печь, танцевать, «оборачивать(ся)» и т. п.²⁸

***

Третий известный нам сюжет, в котором так или иначе встречается образ лягушки — это сюжет 480А Мачеха и падчерица, где в некоторых текстах героиня должна вымыть в бане детей Бабы-Яги, за что получает воздаяние в зависимости от качества выполненной работы, в виде либо богатого приданого, либо смерти: «Егибиха наносила всяких скакуш да лягуш²⁹ и велела вымыть»

²⁸ О смысле высвобождения себя из шкуры животного см. также: *Элиаде М.* Азиатская алхимия / Отв. ред. Н. Л. Сухачев. М., 1998. С. 386.

²⁹ Происхождение лягушки нередко возводили к человеку. По

(Арх., Нкф.: 63); «Вдруг видит, что к ней в баню ползут червяки, лягушки, крысы и всякие насекомые. Она их всех перемыла и перепарила» (Казан., Худ.: 14); «Баба-яга и говорит: «Возьми моих детей, попарь». Она взяла их, в кувшин положила. А там лягушки, тараканы, козюли...» (Тул., Эрл.: 22); «Они отворили лукосецко, а тут змеи, да лягушки, да ясцери. Да змеи заели их с матерью-та» (Арх., Крн., Лев. Дети 2011: 81). Напомним, что баня является магическим пространством. Здесь тоже речь идет, по-видимому, о приобщении девушки к сакральным знаниям (см. также сюжеты 465А и 402).

Таким образом, тесная связанность лягушки с водоемами, подземными и небесными водами, ее плодovitость и способность к постоянным трансформациям придали ее образу черты «повелительницы вод», обусловили ее почитание как символа плодородия и сакральных знаний, мудрости и всеведения, представление о которых сохранилось в русских народных сказках.

представлениям псковичей и жителей Вологодской и Архангельской губерний, лягушки — превращенные некогда люди. По нижегородским поверьям, лягушки произошли от проклятых матерями младенцев (*Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 794). Согласно некоторым легендам, их происхождение связывают с людьми, погибшими во времена всемирного потопа. Придет время, когда они вновь станут людьми, а люди, ныне живущие, превратятся в лягушек. Поэтому бить лягушек и жаб — грех. Бытовали и представления о душе в облике лягушки. «Рождение детей в некоторых местах объясняли тем, что аист бросает в печную трубу лягушек, которые, пройдя через дымоход, приобретают человеческий облик. В лягушке часто видели дух умершего, душу ребенка, похороненного некрещеным». См.: *Гура А.* Символика животных... С. 382; *Топоров В. Н.* Лягушка. С. 84; см. также: *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. С. 172; *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Кн. 103/104, № 3/4. С. 102–103; *Завойко Г. К.* В Костромских лесах по Ветлуге-реке: Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг. // Труды Костромского научного общества по изучению местного края: Этногр. сб. Кострома, 1917. Вып. 8. С. 33; Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2015. С. 546–547, 848.

Список сокращений

Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3-х т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 2.

Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.

Бахтин — Сказки Ленинградской области: серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки / Собр. и подгот. к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976.

Власова — Власова М. Н. Сказки Марии Андреевны Андреевой (Из неопубликованных материалов экспедиции 1987 г.) // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 316–332.

Крг. — Сказки М. М. Коргуева / Зап., вступит. ст. и коммент. А. Н. Нечаева; предисл. М. К. Азадовского. Кн. 1. Петрозаводск, 1939.

Крн. — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934.

Крн., Лев. 2011 — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.

Крн., Лев. 2011 — Дети-сказочники // Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011. С. 277–392.

КС — Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст., коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

ЛЗ — Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII века. СПб., 2001.

МС — Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 3: Сказки и несказочная проза / Отв. ред. В. М. Гацак. М., 1998.

Нкф. — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Проппа. М.; Л., 1961.

Онч. — Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2008.

Раз. — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. Г. Сенькина; Ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск, 1974.

Сад. — Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.

Смр. — Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. подгот. А. М. Смирнов. Вып. 1. Пг., 1917.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л., 1991.
СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, К. А. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979.

Худ. — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексева. М.; Л., 1964.

Шаст. — Шастина Е. Сказки Ленских берегов. Иркутск, 1971.

Эрл. — Народные сказки, собранные сельскими учителями. Сборник А. А. Эрленвейна. СПб., 2005.

Географические названия

Арх. — Архангельская губ.

Казан. — Казанская губ.

Курган. — Курганская обл.

Лен. — Ленинградская обл.

Лена — побережье р. Лены

Моск. — Московская обл.

Мурм. — Мурманская обл.

Новг. — Новгородская обл.

Олон. — Олонецкая губ.

Перм. — Пермская губ.

Ряз. — Рязанская губ.

Сарат. — Саратовская губ.

Симб. — Симбирская губ.

Тамб. — Тамбовская губ.

Тул. — Тульская губ.

Шадринск. — Шадринский у. Пермской губ.